Комментарий № 50
14 декабря 2021

AUKUS и «порядок, основанный на правилах»: новое и старое в отношениях великих держав в 2021 году

Захарий Пайкин

Резюме

Вывод войск из Афганистана и работа по выстраиванию «стабильных и предсказуемых» отношений с Россией стали ключевыми показателями приоритетов США в первый год правления администрации Байдена. Тем не менее самым важным направлением внешней политики США в 2021 году стали отношения с Пекином.

Содержание

1 Худший сценарий
2 Американо-китайское противостояние
3 Три консервативных ревизиониста
4 Задача для Восточной Европы

Поскольку так называемый Индо-Тихоокеанский регион все больше выходит на первый план, на фоне остальных событий выделяются два ключевых: формирование AUKUS и неутихающие споры вокруг «миропорядка, основанного на правилах». Если первое свидетельствует о наступлении более комплексного и непредсказуемого глобального порядка даже за пределами Тихоокеанского региона, то второе отсылает нас к тенденциям, которые возникли задолго до пандемии.

Худший сценарий

Соглашение о создании AUKUS намекает на региональный переход от простого сотрудничества в сфере безопасности (например, Четырехсторонний диалог по безопасности) к логике более союзнического типа. Этим знаменуется явный сдвиг

приоритетов Вашингтона: в отличие от администрации Трампа, в рамках подхода к соперничеству которой Россия лишь немного отставала от Китая, Байден совершил весьма существенный разворот страны в сторону Азии. При этом, несмотря на упоминание планов по развитию военной инфраструктуры США на Тихоокеанском направлении в недавнем «Обзоре глобальной расстановки сил», в документе не отмечалось «никаких серьезных перестановок сил». Кроме того, координатор Белого дома по Ближнему Востоку недавно заявил о том, что Вашингтон не планирует вычеркивать Ближний Восток из своего перечня приоритетных направлений внешней политики.

Очевидное смещение *политического* и *стратегического* акцентов США в сторону Азии вкупе с позиционированием в *военной* сфере в качестве глобального лидера представляет собой наихудший из всех возможных сценариев. В частности, у США не остается однозначного варианта действий в нынешнем противостоянии вокруг Украины. Разворот Вашингтона в сторону Азии может убедить Москву в том, что Европа теперь является для США второстепенным направлением, что потенциально позволяет Кремлю прийти к выводу о наступлении подходящего момента для военного вмешательства. И наоборот: альтернатива в виде более существенных военных обязательств США перед Украиной может спровоцировать дальнейшее обострение напряженности, поскольку Вашингтон перейдет постоянно смещающуюся «красную линию» в вопросе о том, какой уровень присутствия НАТО в Украине готова допустить Москва.

США под руководством Байдена также усилили риторику в защиту «международного порядка, основанного на правилах». Пекин, скорее всего, едва ли прислушается к призывам Вашингтона следовать «правилам», учитывая, что последний сам несметное число раз отходил от них и нарушал их. Этот очевидный двойной стандарт подрывает авторитет Запада на мировой арене, усугубляя ситуацию в сфере безопасности даже за пределами Тихоокеанского региона. Например, нынешний кризис с мигрантами на польско-белорусской границе, помимо прочего, ставит под сомнение ценностную основу официальной политики ЕС в поддержку прав человека и верховенства закона.

Американо-китайское противостояние

Тем не менее оспаривание норм Вашингтоном и Пекином также отражает более глубокую тенденцию, имевшую место еще до пандемии: непрекращающиеся споры о правилах международной игры и о том, *кто* наделен полномочиями на создание этих правил.

Последние месяцы наполнились событиями, которые многие считают переломными в мировой истории: вывод войск США из Афганистана и сама пандемия COVID-19. Эпидемия может привести к долгосрочным изменениям в некоторых сферах – от цепочек поставок до экономического интервенционизма. И тем не менее указанные тенденции появились не из-за пандемии, пусть COVID-19 и создал препятствия для международного сотрудничества и подхлестнул конкуренцию великих держав. В свою очередь, окончание военных действий США в Афганистане может символически ознаменовать конец эпохи государственного строительства под началом Запада и вызвать вопросы о том, насколько либеральным остается международный порядок. Кроме того, вывод войск должен был позволить США сместить акцент на продолжающееся соперничество великих держав, начавшееся задолго до этого.

Иными словами, постковидные (гео)политические события происходят отнюдь не в вакууме. Скорее, они развиваются на основании существующих – и устоявшихся – напряженностей, обусловленных конкуренцией за положение в мире, где Вашингтон стремится сохранить свой статус единственной значимой державы, устанавливающей правила. США предприняли «разворот к Азии» еще до прихода к власти Си Цзиньпина и перехода Пекина к более амбициозной внешней политике. Это указывает скорее на растущую *мощь* Китая в качестве основного источника сегодняшней китайско-американской конфронтации, а не на его конкретные *действия*.

Ревизионистская держава стремится к существенному, если не полному, изменению миропорядка. Это не совсем точно характеризует намерения Китая, которые скорее сводятся к желанию быть признанным в качестве равноправной великой державы в существующих рамках. Желая устанавливать правила взаимодействия для других государств – и при этом сохраняя за собой прерогативу периодически нарушать эти правила, когда это, по его мнению, отвечает его интересам, – Пекин лишь следует примеру США, которые занимаются этим три последние десятилетия.

Попытка потеснить США в качестве единственного мирового актора с правом устанавливать правила совсем не тождественна отказу следовать правилам международного порядка. Отчасти подмена понятий связана с тем, как в последние годы велась дискуссия вокруг вопроса международного порядка. Наиболее распространенной картиной «либерального международного порядка» принято было считать ту, которая была изначально заложена в институтах, созданных США после Второй мировой войны. Поэтому, когда эти институты

глобализировались после Холодной войны вне зависимости от преобладающего в то время однополярного баланса сил, предположение, что превосходство США и правила международного порядка были неразрывно связаны между собой, стало совершенно естественным. Более того, либеральный порядок ассоциируется с лидерством США из-за исторической связи либерализма с двухвековым развитием англосаксонской глобальной гегемонии.

При условии, что идеи реальны и помогают формировать международную действительность, можно представить либеральный порядок в качестве структуры, существующей в рамках глобальной политики. Однако либеральный порядок совсем не является синонимом международного порядка в целом. То же можно сказать и о многих из предполагаемых элементов либерального порядка – лидерство Запада, свободная торговля, либеральные ценности, – которые являются общепринятыми или признанными в качестве легитимных. Если допустить, что либеральный порядок является всего лишь одним из компонентов современной сети международных институтов и практик, то устремления Китая неизбежно выглядят менее амбициозными.

Три консервативных ревизиониста

Ревизионистские цели можно приписать всем трем ведущим державам. Вашингтон стремится преобразовать мир по либерально-демократическому образцу и укоренить однополярный порядок там, где его раньше не существовало. Россия и Китай, со своей стороны, стремятся вытеснить либеральные ценности из существующих глобальных институтов и дискурса и пересмотреть архитектуру безопасности в соответствующих регионах. В то же время всем трем державам присущ и консервативный элемент. США хотят сохранить свое положение в качестве мирового лидера. Россия стремится избежать утраты своего многовекового статуса великой державы и влияния на «ближнее зарубежье». А Китай желает сохранить условия, которые способствовали его развитию, в то же время осторожно интегрируясь в международный порядок, авторство правил которого принадлежит не ему.

Тем не менее, даже если ни одна держава не оспаривает нынешний порядок в открытую, это не означает, что ему ничто не угрожает. В некотором смысле все три державы являются ревизионистами, поскольку стремятся придать форму правилам будущего, которые еще не определены. И независимо от их целей

конкурирующее толкование норм, на которых выстроен международный порядок, ведет к оспариванию этих норм и, следовательно, к их постепенному пересмотру.

Задача для Восточной Европы

Таким образом, в конце 2021 года мир стоит перед лицом укоренившейся проблемы. Динамика противостояния великих держав, имевшая место до пандемии, сохранилась и после нее, а теперь усугубляется неопределенностью последствий более выраженного разворота Вашингтона в сторону Тихоокеанского региона. Задача Восточной Европы состоит в том, чтобы найти остроумное действенное решение для создания островка стабильности в неопределенном мире.

При этом политические события в Беларуси подрывают перспективы успешного диалога между Востоком и Западом, в то время как отношения между ЕС и Россией практически полностью разладились после крайне неудачного визита в Москву Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозепа Борреля в начале этого года. В настоящее время ЕС в меньшей степени способен использовать возможности устанавливать правила в собственном регионе в качестве инструмента для усиления своего глобального влияния. Поэтому переключение внимания на Индо-Тихоокеанский регион со стороны Брюсселя вслед за США уже не кажется простым совпадением.

Захарий Пайкин
Исследователь в области внешней политики ЕС в Центре европейских политических исследований в Брюсселе (CEPS); научный сотрудник-нерезидент Института мира и дипломатии в Торонто; член Экспертного совета «Минского диалога»